

Е. Н. Наземцева

Специфика политико-правового положения русской эмиграции в Китае в период обострения международной ситуации на Дальнем Востоке (1931–1937 гг.)

Обострение международных отношений в 1930-х гг. имело особую специфику на Дальнем Востоке. В течение всего десятилетия происходило ослабление стабильности в регионе: японо-китайский конфликт (1931 г.), начало японо-китайской войны (1937 г.), советско-японские конфликты у оз. Хасан (1938 г.), на р. Халхин-Гол (1939 г.). Положение усугублялось гражданской войной в Китае. Дипломатические игры держав региона, бесконечные перемены международной ситуации отражались на положении русской эмиграции в Китае. Правовой статус русских эмигрантов не был определен, нансеновские паспорта, признанные в Европе, здесь не имели значения. Китайское руководство не доверяло русским эмигрантам, Япония стремилась использовать их для достижения своих внешнеполитических задач, не ослабевало внимание к ним советских спецслужб. В результате русское эмигрантское сообщество оказалось в своеобразном «правовом вакууме». Мигранты пытались привлечь внимание международного сообщества на свои проблемы: генерал Д. Л. Хорват в качестве главы дальневосточной эмиграции обратился в Лигу Наций, Международную Лигу борьбы с III Интернационалом, к дипломатическому корпусу в Пекине и китайскому правительству, но получил отказ¹.

¹ *Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007. С. 89.

Другой попыткой отстоять свои права стал доклад «О правовом и экономическом положении русских эмигрантов в Маньчжурии», подготовленный эмигрантами для специально находившейся в это время в Маньчжурии комиссии Литтона². К нему прилагался перечень мероприятий, необходимых для обеспечения более приемлемых условий жизни русской диаспоры: наделение эмигрантов правами национальных меньшинств согласно статуту Лиги Наций; упорядочение налоговых обязательств наряду с другими гражданами Маньчжурии, право участия в правительстве и муниципалитете, учреждение в полосе отчуждения центрального русского представительства, свободное поселение на землю и т.д.³ В докладе отмечалась довольно высокая стоимость паспортов: для семьи из 3–4 человек плата за паспорта составляла 30–40 долларов в год. Обращалось внимание на фактически бесправное положение русских эмигрантов. Так, за каждую провинность русского эмигранта следовал штраф, размер которого зависел от настроения полицейского чиновника. В суде русские всегда проигрывали. Всё это отягощалось сложившейся в Китае системой поборов и притеснений⁴.

Однако японские власти утверждали, что в докладе речь шла о произволе *китайских* властей в Маньчжурии над *всеми* иностранцами. Соответственно, русские эмигранты в этом докладе предъявляли претензии к китайским властям, так как «русское население разоренное, угнетенное с восторгом приветствовало новую власть». Отмечалось, что к документу была приложена так называемая «черная книга», озаглавленная как «Книга русского отчаяния», в которой были изложены сотни фактов, свидетельствовавших о «произволе и преступлениях против иностранцев правительства дикарей (китайцев. — Е. Н.)»⁵. Однако в сложившейся политической обстановке и это обращение русской эмиграции к международному сообществу осталось без ответа⁶.

Японские оккупационные власти декларировали новые ценности, в рамках которых обещали благоденствие всем народам, представителям всех национальностей сулили равные права, а также защиту от произвола китайских властей. Япония рассчитывала активно использовать бывших русских подданных, проживающих на северо-востоке Китая, в своей агрессивной внешней политике. Маньчжурии уделялось особое внимание, так как русское влияние издавна

² 10 декабря 1931 г. по инициативе Японии была сформирована комиссия Лиги Наций из представителей пяти государств для изучения причин японо-китайской конфронтации. Комиссию возглавлял В. Бульвер-Литтон.

³ Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008. С. 43.

⁴ Капран И. К. Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 106.

⁵ «От создания до признания Японией нового государства Маньчжу-Го» // Экономический вестник. 1932. № 62, 1 октября. С. 2.

⁶ Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995. С. 96.

было весьма сильно здесь. Это отражено в японских аналитических документах: «После постройки КВЖД и вложения 600 миллионов рублей, Россия, привив русскую культуру и улучшая промышленность, превратила таким образом пустующие земли в богатую хлебом страну. А трехмиллионное население увеличилось к настоящему времени до 30 миллионов, которое может быть увеличено еще на 100 миллионов. Хотя наступление России и является результатом завоевательского характера славянских племен, но всё же сегодняшнее экономическое и культурное развитие Северной Маньчжурии в своем большинстве обязано России. Причина столь крепкого влияния России в Северной Маньчжурии именно исходит из этого. Поэтому не так-то легко будет изгнать влияние России из Северной Маньчжурии за короткий срок»⁷.

Некоторые русские эмигранты осознавали, что Япония стремилась «превратить Маньчжурию в промышленную и военную базу для дальнейшего покорения Азии, но наличие КВЖД и большого количества русских с советскими паспортами препятствовало им на пути к этой цели». Японские власти «не были готовы к стычке с Советским Союзом, хотя их, конечно, раздражало то, что они не имели полного контроля над самым большим городом Маньчжурии», однако «с белоэмигрантами и теми русскими, которые предпочли принять китайское гражданство, они могли поступать как угодно»⁸. Они знали, что неверный выбор политики в отношении русского населения Маньчжурии может привести к их массовому отъезду, к дестабилизации всего региона⁹.

Всё же значительная часть представителей русской эмиграции после прихода японцев в Маньчжурию надеялась на улучшение своего положения. Как отмечает Г. В. Мелихов, «эмиграция связывала с приходом японцев, как тогда говорили, надежды на перемены к лучшему, но самих японцев старшее поколение эмигрантов не любило, помня о русско-японской войне 1904–1905 гг., Порт-Артуре и прочих событиях»¹⁰. В современной отечественной историографии Русского Зарубежья нет единого мнения относительно восприятия японских оккупационных властей русскими эмигрантами. Если Мелихов приходит к выводу о том, что у харбинцев отсутствовали какие-либо «политические моменты», скорее это были «ожидания улучшений и тревоги о том, что принесет будущее»¹¹, то Е. В. Яковкин, опираясь на воспоминания эмигрантки Н. Мокринской, считает, что большая часть эмигрантов «радостно приветствовала в Харбине японцев»¹². Е. Е. Аурилене отмечает, что «отношение эмигрантов

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 16. П. 169а. Д. 22. Л. 20.

⁸ *Нэш Г.* Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. СПб., 2011. С. 99.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. М., 2007. С. 271.

¹¹ Там же. С. 270.

¹² *Яковкин Е. В.* Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014. С. 97.

к новым хозяевам Маньчжурии было различным»¹³, а описываемое большинством историков скопление горожан при входе японцев в Харбин объясняет «обычным для таких случаев любопытством»¹⁴. Н. Е. Аблова убеждена, что большинство эмигрантов «сначала не смогло разобраться в происходящем»¹⁵. М. В. Кротова признает, что часть эмигрантов действительно видела в новых властях своих «спасителей»¹⁶. По нашему мнению, русское общество не было единым в восприятии прихода японцев в Маньчжурию. Рядовые эмигранты стремились к стабильности своего правового и социально-экономического статуса, не поддерживали, но и не боролись с новыми властями. Руководство эмиграции надеялось на поддержку в борьбе против СССР даже в ущерб своим правам и поэтому открыто их поддерживало.

Важным событием в жизни русской эмиграции стало учреждение 28 декабря 1934 г. Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). По данным японских исследователей, цель организации БРЭМ заключалась в регулировании деятельности русской эмиграции, представлении интересов эмигрантов перед властями (Маньчжоу-Го. — *Е. Н.*), а также использовании через нее русских эмигрантов в борьбе против СССР¹⁷. Некоторые исследователи считают, что, учреждая БРЭМ, японские власти хотели сохранить монопольное влияние на эмиграцию, не допуская в эту сферу англичан и французов¹⁸. Инициатором создания организации являлся майор Сюн Акикуса. Для русских вводились обязательная регистрация и прописка — своеобразные единые эмигрантские паспорта в виде регистрационных квитанций, а позже — личных книжек. Для персональной регистрации была выработана специальная форма анкеты, пункты которой заполнялись самими эмигрантами¹⁹. Процедура оформления статуса эмигранта длилась до трех месяцев.

В марте 1935 г. БРЭМ официально начало регистрацию всего эмигрантского населения сначала в Харбине, затем по всей территории страны²⁰. Стремясь исключить возможное негативное отношение к регистрации, БРЭМ сделало специальное заявление, разъясняя, что «1) персональная регистрация русских эмигрантов и лиц русской национальности, имеющих китайские или маньчжурские

¹³ *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). С. 39.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ *Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. С. 127.

¹⁶ *Кротова М. В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 305.

¹⁷ Подробнее см.: *Накаси́ма Т.* Создание Бюро по делам русской эмиграции (БРЭМ) в Маньчжоу-Го, 1934–1935 // Россия и Япония: Сб. ст. Вып. 8. Токио, 2010. С. 123–139.

¹⁸ *Мальшенко Г. И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006. С. 220.

¹⁹ Луч Азии. 1936. № 24/8. С. 21.

²⁰ *Аблажей Н. Н.* С Востока на Восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 141.

паспорта, является обязательной; 2) регистрироваться должны лица обоего пола в возрасте свыше 17 лет (во время Второй мировой войны возрастной порог был снижен до 14 лет²¹); 3) одновременно с представлением анкетного листа каждый обязан предъявить две своих фотографических карточки; 4) регистрация производится бесплатно; 5) в приеме анкетного листа выдается каждому от Бюро квитанция, которую каждому надлежит хранить у себя; 6) время окончания регистрации пока не установлено, однако Бюро рекомендует всем поторопиться с выполнением этого задания»²². Регистрироваться должны были все лица русской национальности, как старожилы, так и имевшие любые китайские паспорта²³. Регистрация эмигрантов проходила через 3-й отдел Бюро, выдававший личные книжки, оформлявший переход советских граждан в эмигрантское состояние. Как отмечалось в эмигрантской прессе, «тысячи советских граждан после тщательной проверки их благонадежности получили эмигрантские паспорта и были спасены от красного клейма, которое могло привести их в “советский рай” на голод или на смерть»²⁴. Каждый шаг Бюро прослеживался маньчжурской полицией и японской контрразведкой²⁵. Число зарегистрированных увеличивалось достаточно быстро. В ноябре 1935 г. в БРЭМ числилось более 3 тыс. эмигрантов, к концу 1936 г. — 24 тыс., а в 1944 г. — около 69 тыс. эмигрантов²⁶.

После завершения регистрации эмигранты должны были встать на особый учет. В особенности это касалось тех, кто был способен носить оружие²⁷. Уклонение от регистрации могло привести к депортации за пределы Маньчжоу-го²⁸. БРЭМ опубликовал специальное постановление, в котором подчеркивалось, что «уклоняющиеся от исполнения требований Бюро не имеют права рассчитывать впоследствии на его защиту и поддержку»²⁹. Создание БРЭМ не осталось без внимания советской стороны. В сентябре 1935 г. замнаркома Б. С. Стомяков выразил серьезную обеспокоенность японскому послу Ота тем, что японские власти не только допускают, но и поощряют деятельность белоэмигрантских организаций. По мнению советского руководства, японские власти

²¹ *Горохов В.* Главное Бюро по делам российских эмигрантов // *Луч Азии.* 1944. № 14/125. С. 22.

²² *Луч Азии.* 1935. № 7. С. 39.

²³ *Луч Азии.* 1936. № 24/8. С. 21.

²⁴ *Луч Азии.* 1939. № 53/1. С. 9.

²⁵ *Антропов О. К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008. С. 291.

²⁶ *Аблажей Н. Н.* С Востока на Восток. С. 141.

²⁷ *Усов В. Н.* Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003. С. 191.

²⁸ *Аурилене Е. Е.* Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия, Шанхай, Северный Китай, 1920–1940-е гг.) // *Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг. Сб. научн. трудов.* СПб., 2006. С. 192.

²⁹ Цит. по: *Мальшенко Г. И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества... С. 224.

организовали БРЭМ и настаивали на подчинении всех эмигрантов этому бюро для того, чтобы оно стало своеобразным «боевым центром крайних антисоветских элементов в Маньчжурии»³⁰.

БРЭМ была уникальной организацией, поскольку ни одна страна не придавала такого значения русской эмиграции, как Япония. Его создание в определенной степени решило проблему консолидации русского населения: эмигранты получили своеобразное «эмигрантское правительство», которое могло представлять их интересы на официальном уровне³¹, но в то же время Японская военная миссия добилась реализации своей цели — облегчила себе задачу управления и контроля над эмигрантами. Большая часть заявленных мероприятий, касающихся обеспечения прав эмигрантов, была воплощена в жизнь лишь формально.

Эмигранты неоднозначно отнеслись к созданию БРЭМ. В эмигрантской про-японской периодической печати отмечалось, что «Бюро прочно вошло в жизнь и быт Российской эмиграции в Маньчжу Ди Го, которая теперь не мыслит своего существования без своего единственного, признанного всеми, представительского органа управления», его деятельность способствовала укреплению материального и правового положения российских эмигрантов³²; благодаря БРЭМ «эмиграция уже не представляет больше собой аморфную массу людей без защиты и права, как бы выброшенных за борт жизни — вся общественно-политическая и экономическая жизнь ее приведена в стройную систему и движется по отрегулированному руслу»³³. Однако начальник Дальневосточного отдела Общевоинского союза генерал М. В. Ханжин отмечал следующее: «...эмигранты до этого жили свободно, не зная почти никаких стеснений: свободно перемещались из города в город и из страны в страну, не имели паспортов или каких-нибудь удостоверений личности, не несли налогов, почти не знали контроля их общественной и тем более частной жизни, жили как хотели, воспитывали детей в своих и иностранных школах». БРЭМ же стал «источником стеснения» и поэтому «встретили его недружелюбно и недоверчиво»³⁴. Этому способствовало в немалой степени и то, что в Харбине учреждение БРЭМ сопровождалось арестами, заключением в тюрьму на сроки от нескольких дней до 3–4 месяцев и высылкой в Шанхай и Тяньцзинь видных эмигрантов, таких как генералы Е. Г. Сычев, В. Д. Косьмин, профессора М. П. Головачев и В. С. Покровский³⁵. Принуждением к регистрации в БРЭМ и получению маньчжурского подданства можно считать и изданный в 1936 г. «Закон о собственности», по которому право собственности на землю и постройки предо-

³⁰ *Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. С. 131.

³¹ *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг). С. 54.

³² Луч Азии. 1939. № 53/1. С. 8.

³³ Там же.

³⁴ *Ханжин М. В.* Русская эмиграция в Маньчжурии // Марковчин В. В. Три атамана. М., 2003. С. 215.

³⁵ Там же.

ставлялось исключительно маньчжурским подданным, не имеющие подданства имели право аренды на срок в три года³⁶.

Японцы отмечали ухудшение политико-правового положения русских эмигрантов в этот период. Из статьи Оямы «Русские организации в Маньчжурии», опубликованной в журнале Исследовательского отдела ЮМЖД «Сведения о СССР», следует, что в 1920-е гг., в особенности в первой их половине «юридическое и экономическое положение этих белых было в то время по сравнению с сегодняшним положением много лучше»³⁷. Автор считает, что это было связано со слабыми позициями советского правительства в Маньчжурии, кроме того, «положение русских было тогда весьма прочное, поскольку их конкуренты-китайцы еще не поняли своих интересов, а КВЖД находилась и на пути к развитию и не замечалось также большого количества безработных»³⁸. Поскольку «были неопытны китайские администраторы», «белым русским не приходилось платить больших налогов и иметь много расходов как сейчас»³⁹. В этот период, «несмотря на то что не было экстерриториальных прав, и полиция находилась в руках китайцев, всё же городское управление находилось в руках белых и посты начальников полицейских участков также занимали белые русские». Поэтому «белые русские в то время имели большое влияние на управление Харбина и др. городов Сев[ерной] Маньчжурии». «После появления влияния Советов важные посты на КВЖД были потеряны, также с усилением Китая было отобрано городское самоуправление и появились китайские конкуренты». Таким образом, делает вывод Ояма, «положение белых в Северной Маньчжурии стало с каждым годом ухудшаться, в особенности за последние годы». В результате советско-китайского конфликта «многие белые потеряли свое имущество, были изгнаны из КВЖД, а благодаря мировой депрессии эти белые потеряли свои места также в конторах и магазинах», поэтому «многие белые оставили надежды на Северную Маньчжурию и постепенно покидают ее, направляясь в Южный Китай или за границу».

Событием, также повлиявшим на правовой статус русских эмигрантов, стала продажа КВЖД. Вопрос о ее продаже Китаю был поднят в 1930 г. во время неофициальной встречи Л. М. Карахана и китайского представителя Мо Дэхоя⁴⁰. После образования Маньчжоу-Го позиции Японии существенно укрепились, и она не собиралась мириться с фактической зависимостью от другой страны созданного ею государства. В Токио не исключали возможности начала войны с СССР за обладание дорогой⁴¹, что было крайне нежелательно для СССР. Малонаселенный и неразвитый с точки зрения транспортных коммуникаций

³⁶ Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения. С. 286.

³⁷ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 16. П. 169а. Д. 22. Л. 28.

³⁸ Там же. Л. 27–28.

³⁹ Там же. Л. 28.

⁴⁰ Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. С. 89.

⁴¹ Там же. С. 104.

Дальний Восток был весьма уязвимой частью советской территории. Поэтому советское правительство приняло решение о продаже дороги. На это отреагировало эмигрантское сообщество: с 1933 г. — после начала переговоров СССР о продаже КВЖД — переход из советского гражданства в эмигрантское состояние стал частым явлением. К моменту подписания договора о продаже дороги этот процесс приобрел массовый характер. И маньчжурские, и японские власти поощряли процесс «десоветизации» эмигрантов. Подозрительных лишали эмигрантского статуса, рассматривая их как состоящих в советском гражданстве⁴². Эмигранты считали, что «с продажей дороги наносится сокрушительный удар русскому влиянию. Огромное большинство русских железнодорожников — советских подданных — депортируется в СССР. С семьями эта русская убыль выразится в цифрах, примерно, 20 тысяч человек»⁴³.

Но шел и обратный процесс — переход в советское гражданство. Паспорта СССР стремились получить те эмигранты, которые в связи с продажей КВЖД приняли решение выехать в Советский Союз. Причина такого шага заключалась в том, что одним из условий «переуступки» КВЖД было выделение японцами 30 млн иен пенсионных денег для выплаты советским железнодорожникам⁴⁴. Постановлением Транспортной комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 марта 1935 г. было объявлено о приеме в советское гражданство бывших работников КВЖД по телеграфному представлению генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого и оформлять его в ускоренном порядке через ЦИК СССР. Получив таким образом гражданство СССР в 1935 г., около 25 тыс. советских граждан выехали в Советский Союз⁴⁵. По данным Л. И. Чугуевского, после официальной передачи дороги правительству Маньчжоу-Го на станции Харбин-Центральный не хватало места для отъезжающих⁴⁶.

Современные российские исследователи едины в оценке правового положения русских в Маньчжурии в период японской оккупации. Г. И. Малышенко убежден, что «оккупационная политика Японии не улучшила правового положения большинства казаков-эмигрантов, а наоборот, во многих провинциях Китая активно проводилась японизация всех сторон их общественно-политической жизни»⁴⁷. Н. Д. Старосельская отмечает, что «на русских японцы открыто не нападали —

⁴² Кротова М. В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 32 (32). С. 78.

⁴³ Лидин Н. Русская эмиграция на Д. В. // Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. 1937. № 1. С. 318–319.

⁴⁴ Писаревская Я. Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е — начало 30-х гг.) // Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-х — 1940-х гг. Вып. 4. М., 2002. С. 221.

⁴⁵ Кротова М. В. Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии. С. 78.

⁴⁶ Чугуевский Л. И. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 120.

⁴⁷ Малышенко Г. И. Дальневосточная эмиграция российского казачества в планах международной реакции (1920–1930-е гг.) // Инновационное образование и экономика. 2010. № 7. С. 55.

скорее, просто вытесняли, выдавливали отовсюду»⁴⁸. По мнению В. Н. Усова, «вся политическая и общественная жизнь российской колонии в Маньчжоу-Го была под жестким контролем японских военных властей, создавших идеологическую и политическую организацию, регламентирующую буквально все стороны эмигрантского существования»⁴⁹. Аналогично и мнение Н. Е. Абловой: «...японское командование проводило в отношении русских эмигрантов достаточно жесткую политику, усиливая нажим по мере государственного строительства Маньчжоу-Го, а затем в связи с введением режима военного времени»⁵⁰.

Эмигранты также свидетельствовали не в пользу оккупационных властей. Показательно мнение Н. Лидина, согласно которому эмигрантскую эпопею за время с 1920 по 1940 г. в Маньчжурии можно разделить на несколько периодов, где каждый последующий для эмигрантского бытия был хуже предыдущего. За указанный промежуток времени произошел ряд событий, менявших маньчжурский политический фон. С каждой переменной этого фона неуклонно ухудшалось материальное (и правовое) положение дальневосточной русской эмиграции. В первый период — до «пришествия большевиков на КВЖД», до «харбинского октября» (1924 г.) китайцы еще только присматривались, не проявляя особой поспешности в проведении политики китаизации края и дороги. На железной дороге и в учреждениях, связанных с местным городским самоуправлением, продолжал господствовать прежний русский дух, старые русские порядки⁵¹. Картина меняется с приходом большевиков на дорогу. По образному выражению автора, «новые хозяева положения на русской ж.д. магистрали Сев. Маньчжурии сразу же вооружились метлой для чистки дороги... от русских эмигрантов»⁵². В результате «для последних встала роковая неумолимая дилемма: или перекраситься в один из двух защитных цветов, или уходить с дороги без всяких надежд устроиться также (sic!) хорошо, как вообще были обеспечены железнодорожники на КВЖД» Большинство стало «перекрашиваться». Одни возбудили ходатайство о переходе в советское гражданство. Другие стали хлопотать о переходе в китайское подданство⁵³. Н. Лидин пришел к выводу, что по мере укрепления и утверждения новых хозяев у многих не оставалось сомнения, что «русским скоро в этом крае нечего будет делать», для русской эмиграции в Маньчжоу-Го создалось если не безысходное, то весьма тяжелое положение. И оставаться нельзя, и выбраться трудно⁵⁴.

Изменения правового положения русской диаспоры в связи с событиями в Маньчжурии и началом японской агрессии в Китае отразились и на положении русской диаспоры в других дальневосточных регионах страны. После

⁴⁸ Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006. С. 237.

⁴⁹ Усов В. Н. Последний император Китая. С. 195.

⁵⁰ Аблова Н. Е. Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. С. 127.

⁵¹ Лидин Н. Русская эмиграция на Д. В. С. 315.

⁵² Там же. С. 316.

⁵³ Там же. С. 317.

⁵⁴ Там же. С. 319.

продажи КВЖД многие ее бывшие служащие, получив значительные суммы при расчете, прибыли в Тяньцзинь. Благодаря им было организовано крупное банковское предприятие Tientsin Investment Corporation⁵⁵. После оккупации японской армией Тяньцзиня 10 октября 1937 г. был открыт Русский дом, который должен был осуществлять консульские функции для эмигрантов и представлять их интересы⁵⁶.

Органом административного управления эмигрантским населением являлся Русский антикоммунистический комитет, возглавляемый Е. Н. Пастухиным, которому оказывал поддержку начальник русского отдела ЯВМ в Тяньцзине майор Таки⁵⁷. Русские эмигранты были обязаны регистрироваться в Комитете. Свидетельство о регистрации являлось обязательным требованием при обмене удостоверений личности, получении вида на жительство, оформлении других документов. Уклонение от регистрации преследовалось японскими властями: русских снимали с эмигрантского учета, подвергали штрафам, лишали права проживания на территории Тяньцзиня, их виды на жительство объявлялись недействительными. Запрещалось общение с эмигрантами, снятыми с учета⁵⁸.

Деятельность ЦАК вызывала недовольство советских представителей. В июне 1937 г. в Тяньцзине начала выходить газета «Русский путь». Ее изданием руководило подразделение японской контрразведки в Тяньцзине. В № 3 от 5 июля 1937 г. было помещено сообщение об освобождении из тюрьмы белогвардейца Б. С. Каверды, убившего полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова. В статье восхвалялся его поступок, а также объявлялся сбор денежных пожертвований в пользу Каверды, для чего на французской концессии на 6 июля с 8:30 час. вечера было назначено собрание⁵⁹. В связи с этим вице-консул СССР в Тяньцзине В. Я. Смирнов посетил французское консульство и обратил внимание консула Буфана на недопустимость собрания белоэмигрантских фашистов, призывающих к террору в отношении советских представителей. Буфана со своей стороны обещал выяснить этот вопрос через французскую полицию. Вечером в тот же день Буфана по телефону сообщил, что по затронутому вопросу он сделал доклад возглавляющему французское консульство Леписье и последний распорядился запретить собрание белоэмигрантских фашистов⁶⁰.

Более свободным было правовое положение русских эмигрантов в Шанхае. Оно определялось спецификой международного статуса города, наличием Международного сэттлмента и сильными позициями европейских государств. Кроме того, Япония первоначально не смогла здесь добиться преимуществ в во-

⁵⁵ *Щети В. В.* 1935 год в Северном Китае // Ежемесячник Вестник Китая. № 2 (апрель). 1936. С. 29.

⁵⁶ *Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). С. 115.

⁵⁷ Там же. С. 114.

⁵⁸ Там же. С. 116, 123.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 21. П. 188. Д. 25. Л. 2.

⁶⁰ Там же.

енном отношении. В то же время неоднозначным было советское присутствие в городе. После разрыва отношений СССР и Китая в ходе конфликта 1929 г. консул СССР покинул город, а помещение Генконсульства было передано под опеку Генконсульства Германии⁶¹. Только в 1933 г. в Шанхай прибыл посол СССР в Китае Д. В. Богомолов.

В 1930-х гг. эмигранты довольно часто обращались в советское генконсульство за помощью в оформлении документов, за финансовым содействием для возвращения на Родину. Например, в 1934 г. в советское генконсульство обратился русский эмигрант, следовавший из США в СССР — М. Арк с просьбой о выделении средств для проезда⁶². Сумму он обещал вернуть через своего брата, оставшегося в США⁶³. Консульство удовлетворило эту просьбу, предоставив необходимые средства, но с условием их возвращения. В октябре 1937 г. Д. В. Богомолов отбыл на родину. С 1939 г. сотрудники советского консульства отбыли из Шанхая в Японию. Всеми делами, связанными с Генконсульством СССР в Шанхае, занималось генконсульство Норвегии⁶⁴.

Подобные условия заставляли эмигрантов искать другие пути защиты своих прав. Большую роль в этом играли эмигрантские организации, существовавшие в городе. В 1932 г. в Шанхае был учрежден Совет объединенных русских организаций (СОРО). Одной из приоритетных задач организации, определенных Уставом, являлись представительство и защита русских прав и интересов⁶⁵. С 1935 г. интересы русской колонии стала представлять новая организация — Русский национальный комитет под председательством Н. Ю. Фомина.

В целом русское население в Шанхае не было бесправным. Те русские, которые находились на территории иностранных концессий, имели право участвовать в выборах в Муниципальный совет Международного сэттльмента и даже Административный совет Французской концессии. Поэтому большинство русских эмигрантов были довольны своим юридическим статусом⁶⁶. Это же отмечают и сами эмигранты: «Со временем русские заслужили хорошую репутацию среди иностранцев и стали занимать ответственные административные и деловые должности, пополняя ряды зажиточного среднего класса. Они пользовались всеми правами свободных граждан, хотя и были людьми без гражданства и назывались по-английски *stateless*»⁶⁷.

Начало японо-китайской войны не вызвало особых изменений в положении русской общины Шанхая, жизнь которой продолжала оставаться относительно

⁶¹ Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. С. 160.

⁶² АВП РФ. Ф. 312. Оп. 6. П. 16. Д. 6. Л. 76.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае. С. 162.

⁶⁵ Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг). С. 147.

⁶⁶ Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае. С. 170.

⁶⁷ Нэш Г. Потерявшие Родину. С. 139.

спокойной⁶⁸. Это объяснялось своеобразием международной ситуации: между Японией, Англией, США и другими странами еще не произошло открытого конфликта. Несмотря на оккупацию города японскими военными, Международный селтльмент и Французская концессия сохранили собственное управление в виде Муниципального совета и Бюро по общественным делам⁶⁹. По ходатайству Русского эмигрантского комитета шанхайский представитель Нансеновского бюро при Лиге Наций г. Лунис начал оформление временных нансеновских паспортов для русских эмигрантов.

Тем не менее в Шанхае Япония приняла меры для организации контроля над русскими эмигрантами. В марте 1938 г. здесь было создано Бюро управления русской эмиграцией под руководством японских оккупационных властей. Все члены русского эмигрантского комитета должны были пройти в нем регистрацию. В генконсульстве Японии в Шанхае был открыт Отдел по русским делам⁷⁰. Русским эмигрантам, кроме тех, у кого имелись свидетельства о регистрации и паспорта, предписывалось приобрести особые удостоверения личности. Все документы должны были быть переведены на японский язык⁷¹.

Несмотря на относительно спокойное существование, в среде русских эмигрантов, обосновавшихся в Шанхае, имели место реэмиграционные настроения. Осенью 1937 г. было образовано «Общество за возвращение на Родину». «Возвращенцы», как их называли, издавали газету — «Возвращение на Родину»⁷². Организация также проводила работу по ознакомлению своих членов с Советским Союзом и его достижениями⁷³. Ее деятельность привела к расколу местных эмигрантов на два лагеря: «оборонцев» и «пораженцев». Это вызывало недовольство японских властей. По данным советских представителей в Шанхае, «возвращенцы» подвергались «разным нападкам со стороны японской агентуры», вплоть до терактов: в помещении их клуба была брошена бомба⁷⁴. Через полгода после основания Союза около 400 эмигрантов направили коллективное письмо в адрес Верховного Совета СССР с просьбой о выдаче советских паспортов и разрешении вернуться на Родину. И письмо, и все материалы, касающиеся деятельности организации, были переданы М. Литвиновым Председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинину⁷⁵. По мнению Управляющего Генконсульством в Шанхае Б. Симанского, заявление о предоставлении советского гражданства заслуживало внимания и требовало детального рассмотрения⁷⁶.

⁶⁸ *Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. С. 155.

⁶⁹ *Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае. С. 101.

⁷⁰ Там же. С. 254.

⁷¹ Там же. С. 266.

⁷² *Старосельская Н. Д.* Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006. С. 214.

⁷³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 22. П. 63. Д. 14. Л. 4.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. П. 190. Д. 19. Л. 1.

⁷⁶ Там же. П. 63. Д. 14. Л. 4.

Политико-правовое положение русской диаспоры в дальневосточных провинциях Китая в 1930-х гг. продолжало оставаться сложным. В условиях разгорающейся японо-китайской войны и углубления международных противоречий эмигранты оказались заложниками положения. Обращения к международному сообществу в большинстве случаев не имели успеха, так как западные державы придерживались политики неучастия в войне на Дальнем Востоке. Близкой оказалась и позиция Советского Союза: СССР длительное время соблюдал принцип последовательного нейтралитета в международных делах дальневосточного региона. Череда политических и экономических уступок СССР отрицательно сказывалась как на положении эмигрантского сообщества, так и на положении находившихся здесь советских граждан.

References

- Ablažej N. N.* S vostoka na vostok: Rossijskaâ èmigraciâ v Kitae. Novosibirsk, 2007.
- Ablova N. E.* Dal'nevostočnaâ vetv' Russkogo zarubež'â. Minsk, 2007.
- Ákovkin E. V.* Russkie soldaty Kvantunskoj armii. M., 2014.
- Antropov O. K.* Rossijskaâ èmigraciâ v poiskah političeskogo ob'edineniâ (1921–1939 gg.). Astrahan', 2008.
- Aurilene E. E.* Regional'nye osobennosti pravovogo položeniâ rossijskih èmigrantov v Kitae (Man'čžuriâ. Šanhaj. Severnyĭ Kitai. 1920–1940-e gg.) // Pravovoe položenie ruskoĭ èmigratsii v 1920–1930-e gg.: Sb. nauchn. trudov. SPb., 2006.
- Aurilene E. E.* Rossijskaâ diaspora v Kitae. 1920–1950-e gg. Habarovsk, 2008.
- Čuguevskij L. I.* 100-letie Harbina // Problemy Dal'nego Vostoka. 1998. N 3. S. 116–122.
- Gorohov V.* Glavnoe Bûro po delam rossijskih èmigrantov // Luč Azii. 1944. N 14/125.
- Hanžin M. V.* Russkaâ èmigraciâ v Man'čžurii // Markovčĭn V. V. Tri atamana. M., 2003.
- Kapran I. K.* Pravovoe položenie služuših KVŽD v 1920–1930-e gg. // Pravovoe položenie rossijskoĭ èmigratsii v 1920–1930-e gody. SPb., 2006.
- Krotova M. V.* Russkie èmigranty v mežvoennoj Man'čžurii: manipulácii s graždanstvom kak strategijâ vyzhivaniâ // Novyj istoričeskij vestnik. 2012. N 32 (32). S. 66–83.
- Krotova M. V.* SSSR i rossijskaâ èmigraciâ v Man'čžurii (1920–1930-e gg.). SPb., 2014.
- Malyšenko G. I.* Dal'nevostočnaâ èmigraciâ rossijskogo kazačestva v planah meždunarodnoj reakcii (1920–1930-e gg.) // Innovacionnoe obrazovanie i èkonomika. 2010. N 7. S. 51–59.
- Malyšenko G. I.* Obšestvenno-političeskââ žizn' rossijskogo kazačestva v dal'nevostočnoĭ èmigratsii (1920–1945 gg.). Omsk, 2006.
- Melišov G. V.* Rossijskaâ èmigraciâ v meždunarodnyh otnošeníâh na Dal'nem Vostoke. 1925–1932. M., 2007.
- Něš G.* Poterâvšie Rodinu: Semejnaâ saga Tarasovyh. SPb., 2011.
- Pisarevskaâ Â. L.* Dve Rossii v Man'čžurii: social'naâ adaptaciâ i reèmigraciâ (20-e — načalo 30-h gg.) / Očerki antibol'shevistskoĭ èmigratsii 1920-h – 1940-h gg. Vyp. 4. M., 2002.
- Protivostoânie: Očerki voenno-političeskoi konfrontatsii pervoi poloviny XX veka. M., 1995.
- Starosel'skaâ N. D.* Povsednevnaâ žizn' «russkogo» Kitaiâ. M., 2006.
- Usov V. N.* Poslednij imperator Kitaiâ. Pu I (1906–1967). M., 2003.
- Van Čžičen.* Istoriiâ ruskoĭ èmigratsii v Šanhae. M., 2008.

Список литературы

- Аблажей Н. Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.
- Аблова Н. Е.* Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск, 2007.
- Антропов О. К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008.
- Аурилене Е. Е.* Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия. Шанхай. Северный Китай. 1920–1940-е гг.) // Правовое положение русской эмиграции в 1920–1930-е гг.: Сб. научн. трудов. СПб., 2006.
- Аурилене Е. Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008.

- Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008.
- Горохов В.* Главное Бюро по делам российских эмигрантов // *Луч Азии.* 1944. № 14/125. С. 22.
- Капран И. К.* Правовое положение служащих КВЖД в 1920–1930-е гг. // *Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы.* СПб., 2006.
- Кротова М. В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // *Новый исторический вестник.* 2012. № 32 (32). С. 66–83.
- Кротова М. В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014.
- Мальшенко Г. И.* Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск, 2006.
- Мальшенко Г. И.* Дальневосточная эмиграция российского казачества в планах международной реакции (1920–1930-е гг.) // *Инновационное образование и экономика.* 2010. № 7. С. 51–59.
- Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925–1932. М., 2007.
- Нэш Г.* Потерявшие Родину: Семейная сага Тарасовых. СПб., 2011.
- Писаревская Я. Л.* Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е — начало 30-х гг.) / *Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-х — 1940-х гг.* Вып. 4. М., 2002.
- Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995.
- Старосельская Н. Д.* Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006.
- Усов В. Н.* Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003.
- Ханжин М. В.* Русская эмиграция в Маньчжурии // *Марковчин В. В.* Три атамана. М., 2003.
- Чугуевский Л. И.* 100-летие Харбина // *Проблемы Дальнего Востока.* 1998. № 3. С. 116–122.
- Щепин В. В.* 1935 год в Северном Китае // *Ежемесячник Вестник Китая.* 1936. № 2 (апрель). С. 29.
- Яковкин Е. В.* Русские солдаты Квантунской армии. М., 2014.